

Армас МИШИН

г. Петрозаводск

Поэт-лирик Леа Хело

В конце 1920-х годов в ленинградском финноязычном журнале «Сойхту» и карельской газете «Пунайнен Карьяла» замелькало сразу же замеченное читателями новое поэтическое имя Леа Хело.

Обратил на это необычное имя внимание и будущий историк литературы, переводчик, один из основателей Союза писателей Карелии Урхо Руханен. У своего молодого ровесника и друга по работе в молодежном движении, школьного учителя Тобиаса Гуттари, он спросил, не знакома ли ему эта новая поэтесса? Каково было удивление Руханена, когда он услышал: «Неужели ты и вправду не знаешь, что я печатаю свои стихи под этим женским именем?» И пояснил: «Хело образовано от названия нашего родового гнезда Хелола, а что касается Леа, так был же на свете и такой прозаик Майю Лассила».

Думаю, что в выборе Тобиасом Гуттари псевдонима сыграл роль и другой литературный факт: имя главной героини классика финской литературы Алексиса Киви стало названием пьесы «Леа». И, конечно, само слово «helo» весьма красноречиво. В переводе на русский язык оно означает «сияние», «блеск». В финноязычной поэзии Карелии имя Леа Хело сияло многие годы.

Для новых поколений финноязычных поэтов он всегда оставался лучшим поэтом-лириком.

Родился поэт 29 января 1907 года в ингерманландской деревне Муя, в приходе Ярвисаари (ныне Мгинский район) Санкт-Петербургской губернии. Многодетная семья Гуттари осталась без хозяина, когда будущему поэту было пять лет. После окончания пяти классов школы ему удалось поступить в Гатчинский педагогический техникум. В 1924 году, еще оставаясь учащимся 4-го курса, он по приглашению Наркомпроса КАССР приехал в карельскую глубинку работать учителем.

В 1926 году вместе с Я. Виртаненом, Х. Тихля, О.Иогансоном, Р. Руско, Р. Богдановым, Т. Трифоновой и др. Гуттари участвует в создании Карельской ассоциации пролетарских писателей Карелии. Он был избран её секретарем. Известность и авторитет Т. Гуттари растет. Его ставят в 1930 году во главе выходившего тогда в Питере журнала «Пунакантеле». В это же время у него в Петрозаводске выходят на финском языке две книги стихов («Молодые сердца», 1930, и «Перешагиваю», 1931).

Вторая книга стихов вызвала уничтожающую критику. Через что же перешагивает поэт? Куда он ведет с такими стихами, как «Разговор со

смертью»? Поэт Федор Ивачев назвал свою разностную статью «Леа Хело перешагнул» («Октябрь», 1931, № 1) и прямо заклеил его как «кулацкого поэта», «перешагнувшего линию партии». Даже такой ценивший талант Хело критик, как Вяйно Алто, не преминул назвать его «мелкобуржуазным поэтом», ударившись в «есенинщину».

Проблема «Хело и Есенин» затрагивалась и в наши дни, но уже в положительном смысле. А на поверку выяснилось: прямого-то влияния и не было.

Да, действительно Хело из русских поэтов выделял Есенина, вместе с тем ему были близки, как свидетельствует Урхо Руханен, и Борис Корнилов, Павел Васильев, Ярослав Смеляков. Однако Леа Хело был поэтом финским. Он продолжал традиции финской поэзии, и не только в форме, но зачастую и в выборе тематики стихов. Тайсто Сумманен в споре с Эйно Карху, увидевшем влияние Есенина в стихотворении Хело «На родине», подробно показал в книге своих статей «У дороги есть начало» (1934), что это не так. На мой взгляд, впечатление сходства с есенинскими строчками могло создаться и благодаря неверно избранному размеру стиха переводчиком Леонидом Хаустовым:

*Дорога знакомая эта,
Родное на каждом шагу.
Сияние лунного света
На ровном и чистом снегу.*

Между тем совершенно по-другому звучит стихотворение в иной метрике, приближенной к оригиналу:

*Было все так привычно и дорого мне
по дороге до отчего дома.
Даже снег у обочин при ясной луне
так лучисто сверкал и знакомо.*

(Перевод автора статьи)

Как бы там ни было, летом 1931 года «кулацкого поэта» Леа Хело снимают с должности редактора журнала «Пунакентеле», который в сущности он сам и создавал, и тянул чуть ли не один, искал авторов, боролся за его художественный уровень. Ему порекомендовали ехать в Красное Село в качестве редактора газеты ...машинно-тракторной станции. Он отказался, в частности, еще и потому, что уже в то время болел туберкулезом легких и нуждался в помощи врачей-специалистов. Тогда его исключают из партии. Лишенный работы и доверия властей, Т. Гуттари занялся переводами на родной язык советской классики.

Никогда ни один переводчик на финский язык до него в Карелии не перевел столько книг. Здесь такие, например, крупные произведения прозы, как «Поднятая целина» Шолохова, «Цусима» Новикова-Прибоя, «Бруски» Панферова. Тонкий стилист, это именно он учил профессионализму переводчиков послевоенных лет В. Ахвенинен, В. Левянен, Т. Хаапалайнена, В. Айрола и многих других. О том, будто Т. Гуттари переживал творческий кризис, и речи не может идти. Как раз в эти годы раскрылся его талант рассказчика, столь блистательно проявившийся в рассказах «Сапоги» и «Юмпури». Книги прозы Гуттари были напечатаны через многие годы после кончины писателя («Рассказы и очерки», 1962; «Когда цветет озеро», 1964; «Боги в ремонте», 1992).

Не расставался поэт и со стихами. Вульгарная критика добилась того, что Хело иногда писал как бы по заказу, профессионально крепко, но не от сердца. В общем же он продолжал гнуть свою линию. И в книге 1936 года («Стихи»), и в сборнике «Песни весне» (1940) поэт в своих лучших стихах так и остался лириком, глубоко чувствующим и думающим.

В 1934 году был создан Союз писателей СССР. Членом писательской организации Тобиас Гуттари стал благодаря Ленинградскому отделению Союза писателей. Между тем в Карелии официальная критика устроила разнос произведений и работ тех, кто приехал в нашу страну строить социализм (Лаури Луото, Эмиль Виртанен, Хильда Тихля, Рагнар Руско). В 1935 году покончил жизнь самоубийством поэт Лаури Летонмяки, автор знаменитой тогда песни «Сталью закаленная», объявленный прессой аж «врагом народа».

Удушьющую атмосферу времени Хело передал в стихотворении «Дуэль Пушкина», напечатанном в журнале «Ринтама» (1937, № 2). Чего стоят хотя бы эти две строки:

*Россия как остров тюремный, бесславный,
Где сам император – тюремщик главный.*

Накануне нового 1937 года поэт написал стихи, которые были напечатаны через многие годы. Вот его мрачное предвидение: «А предо мною тысячи ночей тоски и боли, черной, безнадежной». Эти ощущения явно вызваны не только разладом с любимой женщиной.

В октябре 1937 года проходило собрание писателей Карелии. Ялмари Виртанен начал его словами: «В обкоме считают, что в Союзе писателей слишком много финнов. Нам надо обсудить данный вопрос». Первым исключили из писательской организации Тобиаса Гуттари, за ним по разным

причинам были исключены Урхо Руханен, Хильда Тихля, Оскар Иоганссон, Рагнар Руско.

Хотя в прессе руководителем этой «националистической группы» посчитали Леа Хело, он избежал ареста. Как-то надо было жить. Поэт устроился простым рабочим на лыжную фабрику. Узнав о том, что один из его близких друзей Урхо Руханен осужден, он отправил в 1941 году письмо в Верховный Совет СССР на имя Армаса Эйкия, где обрисовал нелепость ситуации: он, руководитель несуществовавшей организации, на свободе, а члены его группы арестованы. Гуттари настаивал на пересмотре дела Руханена. Ответа не дождался.

Когда началась война, поэт отправился на фронт добровольцем. Его стихи военных лет свидетельствуют о вере в скорую победу. Приведу одно из них. Оно позднее было переведено на русский язык Вадимом Шефнером. И уже в наши дни на слова этого перевода написана песня Евгением Шороховым:

*Любимая, со мною рядом ты,
И те же звезды сон твой охраняют,
К тебе приходят светлые мечты,
И постепенно город затихает.*

*Я эти строки в сердце берегу,
Я для тебя их написал когда-то.
Сейчас прийти к тебе я не могу,
Пусть хоть долетят стихи солдата.*

*Таким далеким этот город стал,
Там те же звезды блещут над тобою.
Тяжел мой путь среди лесов и скал
Под небесами в озаренье боя.*

*Мой путь к тебе пролегал через войну,
И я его пройду, моя родная.
Наш светлый мир победою верну,
Вернусь к тебе – я это твердо знаю.*

Однако поэта, как и многих его соотечественников, ожидал тяжелый удар. С апреля 1942 года ингерманландских финнов стали увольнять из армии. Было секретное распоряжение «об изъятии» финнов из действующей армии и «переводе в рабочие колонны НКВД». У Хело отняли право отстаивать свободу своей родины с оружием в руках.

«Я болен душевно и физически», «Я не единственный, с кем это произошло, но это не меняет дела», – признавался поэт в своем дневнике военных лет 6 декабря 1942 года. В последующие годы Хело работал в прифронтовой газете в Беломорске и там же составил коллективный сбор-

ник стихов поэтов Карелии «Песни любви и ненависти» (1943).

Не складывалась его личная жизнь. Женщина, которую он горячо любил и которой посвятил немало прекрасных стихов, была в плену, а в послевоенные годы вышла замуж за другого человека, известного карельского писателя. Как часто бывает, в тяжелые минуты поэта ненадолго выручал алкоголь. Отказаться от него он уже не сможет. Правда, пера не оставляет. Хело продолжает работать, даже выпускает сборник стихов «Моя родина» («Minun maani») в 1947 году. Вынашивает новые планы.

Но болезнь неумолима. Поэт умер 9 декабря 1953 года. Лучшие стихи поэта и его дневник военных лет опубликованы книгой в 2010 году («Etsijän laulu» – «Песнь поиска»).

Леа Хело был моим земляком. Я дважды в конце 1970-х годов посещал деревню Муя и даже в сопровождении сестры поэта, ныне покойной, побывал на могиле их матери. В одной из поездок родились такие стихи:

*В своем краю туристами
идем по тропам лета
от станции Турышкино
на родину поэта.*

*Через село соседнее,
через мосток старинный
идем, взбираясь медленно
на холм почти былинный.*

*Деревня Муя щурится
от солнца. Здесь вот где-то
на этой тихой улице
была изба поэта.*

*А он другой дорогою,
равнинной в дни былые,
катил в санях на родину
сквозь дали снеговые.*

*Луна. Сугробы синие.
Все было так знакомо,
и клен в пушистом инее
встречал его у дома.*

*И долго той поездкою
он жил и обновлялся,
и звездный час поэзии
ему не раз являлся.*

Леа ХЕЛО

*Перевод с финского
Армаса Мишина*

«Ищу, ищу
и ритмы, и слова...»

НА РОДИНЕ

Было все так привычно и дорого мне
по дороге до отчего дома.
Даже снег у обочин при ясной луне
так лучисто сверкал и знакомо.

Я сидел в санях со своей сестрой,
и катились привычно сани,
и казалось даже, что конь гнедой
впереди был все тот же самый.

Вот и низенький дом, что пургой заметен,
и черемухи инистый локон,
и с высокою кроной заснеженный клён,
и наличники красные окон.

Та же узкая тропка к колодцу ведет,
тот же снежный до риги — проулок.
Тот же Халли встречает гостей у ворот —
лай собачий по-прежнему гулок.

Видно, снова зайчишка в саду побывал,
грыз кору и в морозном тумане,
может быть, под окошком моим танцевал,
может, лапой в окно барабанил.

Все вокруг так знакомо, так дорого мне.
Только нет стариков уже многих.
И другие заботы в родной стороне
новых путников манят дороги.

1927

ТКАЧИХА

Матери

Сейчас там весна в разгаре,
весенние воды журчат.
Иные заботы приспели,
и в доме ставины стучат.

Весенние мчатся потоки,
и солнце в окошко глядит,
и руки ткачихи ласкает,
и ткацкий станок золотит.

Мне эта ткачиха знакома,
и нет её взгляда родней.
Как птицы весенние, часто
летят мои думы к ней.

И также она вспоминает
о младшем сыне своем.
Он мать посещает так редко,
так редко приходит в свой дом.

Склонясь к станку терпеливо,
толкая привычно челнок,
все смотрит в окошко ткачиха:
быть может, придет сынок.

Знакомые двери откроет,
приветливо скажет потом:
«Я снова, моя родная,
вернулся в наш тихий дом».

Но жизни спокойной не жажду,
тревоги — мой лучший покой,
борьба — мое верное счастье.
Мне доли не надо другой.

Не надо. Но мать понимаю
и помню всегда о ней.
Так трудно бывает порою
понять матерям сыновей.

Нет времени ехать, но знаю:
там вешние воды журчат.
И ждет меня верно ткачиха,
и тихо ставины стучат.

1928

МАСТЕР

О, как пахнет смолою лесина,
как пила и звенит, и поет,
как вонзается сталь в древесину,
как он лёгок, рубанка полёт!

Мастер пилит, ровняет, строгают,
и поет, и на труд свой глядит.
И кружатся опилки, мелькают,
и за стружкой стружка летит.

То топор, то пилу, то рубанок
мастер в руки берет и поет.
Смотрит солнце в окно спозаранок.
Любопытство и солнце берет.

О, как стружка свивается в кудри!
Как веселый топор говорит!
О, как мастер искусно и мудро
деревянную песню творит.

1929

ПЕСНЬ ПОИСКА

Ищу, ищу и ритмы, и слова.
Ты помоги мне отыскать их, муза!
Дай песню спеть. Пока душа жива,
мне этот поиск тяжкий не обуза.

Дай песни спеть, в которых жизнь и труд
цветут, как сад, кипят, не умирают,
которые врага прицельно бьют
и славят тех, кто, как огонь, сгорает.

Дай песни спеть, чтоб сквозь вихрь годов
они прошли, все одолев преграды.
Кровь сердца своего отдать готов
для этих лучших песен, если надо.

Я сын Земли, им остаюсь всегда,
и петь хочу я о своей планете,

пока хожу по ней, и жар труда
пусть крепко закаляет строки эти.

Ищу, ищу, и звонкий клич зовет:
не мертвых слов и песен ждет эпоха,
деяниями родина живет,
и ты служи ей своим каждым вздохом.

О, сколько тем! И все поэта ждут,
заводов и морей шумит работа.
И сердце человека вечно жгут
незримые тревоги и заботы.

Ищу, ищу и верю, что найду
созвучья звонкие и ритмы жизни,
которые однажды я вплету
в поэму многоцветную Отчизны.

1934

* * *

Опять стучится в двери Новый год
и тысячам людей желает счастья.
Но что меня так давит и гнетет?
Тоска на сердце тягостней ненастья.

У елки праздничной в огнях свечей
ты радуешься в этот час, возможно.

Но предо мною тысячи ночей
тоски и боли, черной, безнадежной.

О Новый год! Его я ждал в свой срок
и обнимал тебя в воображенье.
Но я опять, как прежде, одинок.
В большой груди моей — тоска, смятенье.

Накануне 1937

ПУШКИН НА ДУЭЛИ

Он жаждет сражения. Жаждет отмщенья.
Мосты сожжены позади к отступленью.

Он вызов судьбы роковой принимает
и, делая шаг, пистолет поднимает.
Сейчас разрешится, чьим станет уделом
смерть на снегу ослепительно белом,
чья верная гибель запряталась в этих
безмолвных, зажатых в руках пистолетах.

На поле сраженья, суров и спокоен,
остался последний, единственный воин.
Друзья его спят в своих ранних могилах.
В Сибири звенят кандалами другие.
Ну что же, сегодня сразится здесь он
с самодержавием, а не с Дантесом.

Не дрогнет рука его. Глаз не изменит.
Но кто его боль и страданья измерит?
Уж лучше погибнуть на бранном поле,
чем жить и томиться в постыдной неволе,
где клейма на лбах у рабов выжигают,
где сплетни досужие свет повторяет,
где все так продажно, и грязно, и ложно,
и где задохнуться поэту возможно.

Он все испытал: клевету и гоненья,
коварство толпы и позор оскорбленья.
Покоя, труда, вдохновенья лишили,

оковы на мысли его наложили.
Россия как остров тюремный, бесславный,
где сам император — тюремщик главный.
И узник восстал против царской неволи.
Окрасит снега эти кровь не его ли?

Но выхода нет у поэта иного.
Чтоб голос свободы услышан был снова,
спокойно он вызов судьбы принимает
и, делая шаг, пистолет поднимает.
И выстрел грохочет. Он падает на снег.
Приходит в себя. И в сознание ясно
встают: зимний день и Сенатская площадь,
и бронзовый Всадник,
пришпоривший лошадь.

«Я не был меж вами. Но пулю имея,
Хотя б одного поразить я сумею!»
«Постой! — восклицает он глухо. — Смогу
поднять пистолет. Не останусь в долгу».

Свой долг отдавая царю, он стреляет,
и падает в снег, и сознание теряет.

Земля, замеченная белой метелью,
последнею стала ему колыбелью.

1937

ПЕСНЯ ВОЕННОЙ ВЕСНЫ

Даже в пору войны к нам приходит весна
и сердца окрыляет мечтою.

Нас зима не сломила, не сломит война.
И солдата душа неизменно полна
жаждой боя с фашистской ордою.

Мы хотим, чтоб скорее Победа пришла
и покой принесла для народов,
чтобы мирные всюду вершились дела,
чтобы песнь лебедей по озерам плыла
в час заката, в минуты восходов.

Мы хотим, чтоб сверкала небес бирюза,
чтоб родные поля колосились,
чтобы смех не смолкал, чтоб сияли глаза,
чтоб звенели от счастья людей голоса —
песни радости ввысь возносились.

Мы хотим свое счастье вернуть навсегда,
как весну, что идет, побеждая.
В бой ведут нас и месть, и большая мечта,
и к Отчизне любовь, что нежна и чиста,
и в грядущее вера святая.

1942

ЛУННЫЙ ОСЕННИЙ ВЕЧЕР В БЕЛОМОРСКЕ

Золотой луны дорожка
манит в даль залива.
На домах сверкает иней,
тонкий, прихотливый.

Россыпь изморози хрупкой
на мостках сияет.
Свет волшебный, свет вечерний
тихо угасает.

Но во всем великолепье
в небе над домами
поэтических сполохов
вспыхивает пламя.

Звук шагов мосты доносят
через сумрак синий.
Как прекрасен мир студеной
вечеров предзимних!

Снова тихо. Не мешает
этому покою
даже близкий шум порога
за морозной мглой.

Пенится порог, бушует —
спят залива воды.
В темном омуте мерцают
глуби небосвода.

Наклонилось Семизвездье
над землей прекрасной:
сторожить красу земную
до утра согласно.

У моста солдат с винтовкой
чутко вдаль взирает.
Лунный луч, такой беспечный,
на штыке играет.

Хорошо и мне сегодня
под луною здешней.
Прорастают зерна счастья
в глубине сердечной.

1943

ВЕСЕННИЕ ВЕЧЕРА

О, песня про весну, про вечер синий!
На улицах томленье и покой.
И в сумрачной дали мосты косые
раскинуты, как крылья, над рекой.

Так жадно ветви тянут ввысь деревья —
листочки выпорхнут из них вот-вот.
Над мокрым снегом в воздухе вечернем
земли весенней аромат плывет.

Дома мигают огоньками окон —
багровый сумрак стелется вокруг.

Остановись, прохожий одинокий,
и ты услышишь сердца гулкий стук.

Знай, счастье верное с тобою рядом.
Оно идет не за тобой ли вслед?
Оно — та девушка, с кем повстречался взглядом,
иль жар труда на много-много лет.

О, песня про весну, про сумрак синий!

1946